

Мария Кшондзер

П.Я. Чаадаев в оценке Дмитрия Мережковского (в религиозно-философском контексте Серебряного века)

Начало XX в. в культурной жизни России ознаменовалось, с одной стороны, кризисом традиционных ценностей, разочарованностью в идеалах добра и гуманизма, а, с другой стороны, своеобразным расцветом духовной жизни, религиозно-философским и литературным Ренессансом, направленным на обретение внутренней свободы личности. В этом контексте фигура Дмитрия Мережковского представляет особый интерес для исследователей, так как именно в его творчестве ярко проявились все основные тенденции Серебряного века. Антиномичность, противоречия между верой и неверием, стремление соединить «божеское» и «человеческое», поиски царства Божия на земле – эти черты, характерные для символизма в целом, определили направленность творчества Мережковского.

Отношение современников к Мережковскому было неоднозначным, но при всем разбросе мнений и оценок неизменным оставалось признание его исключительности. Андрей Белый в очерке «Мережковский» (1910) называет его «вопиющим недоумением нашей эпохи» и в то же время – загадкой, «которая упала к нам из будущего»¹. Блок, отмечая парадоксальность мышления Мережковского, видит в нем истинного сына России, который болеет ее болью, тоскует ее тоской и несет в себе идею такой силы, которую сам не сможет вынести и оставит потомкам в наследие².

По Мережковскому, духовная история человечества – это противостояние двух «бездн»: «бездны плоти» и «бездны духа». Подлинная духовная революция возможна не в противопоставлении, а в слиянии этих двух начал в будущей «новой Церкви», в грядущем Царстве «Третьего завета», пророком которого ощущал себя Мережковский³. Этой религиозно-философской доктриной проникнуто все его творчество, призванное объединить «„правду земную” и „правду небесную”, ареной борьбы которых становится человеческая душа»⁴.

Становление «нового религиозного сознания» на фоне радикальных социокультурных изменений в жизни России начала XX в. было одной из актуальнейших проблем. Не случайно в это время столь популярной и знаковой становится фигура Петра Чаадаева – первого русского философа, поставившего вопрос «об отношении России к абсолюту»⁵, представившего свою концепцию развития России, непосредственно связанную с проблемами взаимоотношений России и Запада, соотношения православия и католичества, взаимопроникновения социально-культурных и религиозных категорий. Личность П.Я. Чаадаева и его творческое наследие уже более столетия не перестают приковывать к себе интерес и внимание ученых, писателей, критиков и публицистов. Его жизнь была окружена целой сетью легенд, тайн, загадок, а творчество интерпретировалось совершенно противоположными философскими школами и направлениями в угоду той или иной априорной идее. Консерватор и мистик, ненавистник России, сноб, завсегдатай английского клуба, сумасшедший затворник и мизантроп, а с другой стороны, революционер, близкий к декабристам, вынесший обвинительный приговор николаевской России, человек, перевернувший все устоявшиеся взгляды на прошлое,

¹ Д. С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология / Сост., вступ. ст. и коммент. Александра Николюкина. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 257-266; с. 265. Эл. версия: <http://merezhkovsky.ru/about/bely-merezhkovsky.html>. 03.05.2016.

² См.: Блок, Александр. Д. Мережковский. Вечные спутники. Пушкин (3-е издание. СПб., 1906) // Он же. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. VII. Отв. ред. Дина Магомедова. Москва: Наука, 2003, с. 205. Эл. версия: http://merezhkovsky.ru/about/blok_merezhkovsky-vechnye-sputniki-pushkin.html. 03.05.2016.

³ См.: Полонский, Вадим. Мережковский, Дмитрий Сергеевич // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия, http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEREZHKOVSKI -DMITRI SERGEEVICH.html?page=0.2. 03.05.2016.

⁴ Михайлов, Олег. Пленник культуры // Мережковский, Дмитрий. Собрание сочинений в 4 томах. Том I. Гл. ред. Олег Михайлов. Москва: Правда, 1990, с. 3-26; с. 11.

⁵ Ермичев, Александр, Златопольская, Алла. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П.Я. Чаадаев: pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1998, с. 7-40; с. 9.

настоящее и будущее своей страны – таким представал Чаадаев в оценках современников и потомков. Несмотря на огромное количество работ, посвященных выдающемуся философу, полной, всеобъемлющей характеристики личности П.Я. Чаадаева – человека и гражданина – не существует и по сей день.

Развитие отечественного чаадаеведения во многом связано с работами выдающегося историка русской культуры Михаила Гершензона, под редакцией которого в 1913–1914 гг. вышло в свет двухтомное Собрание сочинений и писем П.Я. Чаадаева. Гершензон впервые предпринял попытку комплексного изучения творчества Чаадаева и установил «непреложный факт нераздельности религиозности и социальности первого русского философа»⁶. Появившееся в этот период множество работ о Чаадаеве, безусловно, написано под влиянием идей Гершензона. В 1905–1906 гг. в журналах «Вестник Европы», «Былое», «Научное слово» публикуется ряд статей Гершензона, в которых первый русский философ интерпретируется как «декабрист, ставший мистиком». Восприятие идей Чаадаева в контексте «социального мистицизма» наложило отпечаток на большинство работ о нем до 1917 г., однако внутренние побудительные причины обращения русских писателей и мыслителей к фигуре философа следует искать гораздо глубже.

Известно, что автор «Философических писем» навлек на себя гнев и презрение общества в первую очередь как ненавистник России, пришедший (в первом письме) к выводу о необходимости органической перделки ее самобытной жизни по образцу европейско-католических традиций. Однако взгляды философа на судьбу России менялись в течение всей его жизни, и в дальнейших сочинениях Чаадаев приходит к прямо противоположному выводу о том, что именно определённая изолированность России обусловила ее призвание к разрешению мировых проблем. Отчасти изменению взглядов Чаадаева способствовало его общение со славянофилами, многие из которых, несмотря на мировоззренческие различия, были его друзьями⁷.

Сам Чаадаев неоднократно высказывался по поводу интерпретации его мыслей о России. В «Апологии сумасшедшего» он пишет: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если он хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной»⁸.

В письме к Ю.Ф. Самарину от 15.11.1846 г. мыслитель вновь с горечью разъясняет глубинный смысл и понимание своей любви к родине, отличающееся от обывательской и поверхностной трактовки патриотизма: «Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели я могу вам выразить. Довольно жертв. Теперь, когда моя задача исполнена, когда я сказал почти все, что имел сказать, ничто не мешает мне более отдаться тому врожденному чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди. Дело в том, что я, как и многие мои предшественники, думал, что Россия, стоя лицом к лицу с огромной цивилизацией, не могла иметь другого дела, как стараться усвоить эту цивилизацию всеми возможными способами; что в том исключительном положении, в которое мы были поставлены, для нас было немислимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой, всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке»⁹. Эти как нельзя более актуальные сегодня рассуждения о патриотизме определяют сущность так называемой «странной» любви к родине, а именно, любви, требующей от писателя беспристрастного взгляда на свою страну. Данная тенденция характерна для всей русской литературы XIX века (от Пушкина и Гоголя до Достоевского и Толстого).

Мережковского как одного из самых ярких проповедников «нового религиозного сознания» личность и философия Чаадаева интересовали особенно пристально, так как давали

---

⁶ Там же, с. 22.

⁷ См. подробнее: Вальденберг, Владимир. Чаадаев и славянофилы // П.Я. Чаадаев: pro et contra, с. 375-381; Рашковский, Евгений, Хорос Владимир. Проблема «Запад-Россия-Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. [Вып. 3]. Москва: Прогресс-Традиция, 1988, с. 110-142.

⁸ Чаадаев, Петр. Полное собрание сочинений и избранные письма [в 2 томах]. Т. I. Отв. ред., вступ. ст. Захара Каменского. Пер. с фр. Дмитрия Шаховского и др. Москва: Наука, 1991, с. 533.

⁹ Там же, т. II, с. 196-197. Эл. версия: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0130.shtml. 03.05.2016.

возможность на основе анализа взглядов автора «Философических писем» обосновать свою собственную концепцию развития России. Интерес для анализа представляют две статьи Мережковского, посвященные личности и творчеству Чаадаева – «Революция и религия» (1908) и «Чаадаев. 1794–1856» (1915). В первой статье философия Чаадаева рассматривается в контексте движения декабристов. Характеризуя декабристское движение как «религиозную революцию», Мережковский считает, что Чаадаев, сочувствуя декабристам теоретически, не мог участвовать в их революционных действиях, так как мыслил гораздо более глобальными категориями. Интерпретируя основную идею Чаадаева в свете собственной концепции, Мережковский приходит к выводу, что предназначение христианства – в «осуществлении Царства Божьего не только на небе, но и на земле, в земной жизни человечества»¹⁰. В полной мере эту свободу церкви от мирской власти могла раскрыть только западная, римско-католическая Церковь, в которой воплотились идеи всемирного единства, в отличие от восточной, православной церкви, способной раскрыть идею только личного спасения. Однако сам Чаадаев не перешел в католичество вследствие «трезвости и точности» своего исторического мышления. Анализируя концепцию Чаадаева в свете собственных взглядов на будущее России, Мережковский приходит к выводу о том, что отказ от православия и переход в католичество не был для первого русского философа приемлемым путем развития России, ибо он считал, что «спасение России не в православии и не в католичестве, а в новом, еще миру неведомом раскрытии тех начал религиозной общественности, Церкви как Царства Божьего на земле, которые заключены в Благовестии Христовом»¹¹. Россия не должна подражать Европе, она должна «принять ее в себя» и «преодолеть до конца». Пытаясь примирить непримиримые социальные и религиозные явления, Чаадаев, по мнению Мережковского, впадает в «беспредельный исторический нигилизм», в «страшно пустынный простор воли и мысли», приводящий к «беспредельному освобождению»¹². Не принимая революционного пути декабристов, Чаадаев призывал к революции религиозной, в результате которой произойдет соединение Бога со свободой и возникнет Царство Божие на земле.

Особый интерес представляет последняя часть этой статьи, в которой Мережковский сопоставляет философию и судьбу Чаадаева с трагедией Гоголя. Утверждая, что для Чаадаева вся Россия была Городом Мертвых, поэт-символист обращается к фигуре сатирика, ставшей знаковой для русского символизма (широко известны работы А. Белого, А. Блока и других символистов о Гоголе): «Смех Гоголя – разрушающий, революционный и в то же время творящий, религиозный: отрицание мертвого града человеческого есть утверждение живого града Божьего»¹³. Однако Гоголь, по справедливому утверждению Мережковского, видел только то, «что нужно проклясть», и не видел того, что нужно благословить, он не хотел остаться, подобно Чаадаеву, в страшной пустоте, его судьба – доказательство того, что «в России новая религиозная стихия, не соединенная со стихией революционной, неизбежно приводит к старой Церкви, которая не только мертвеет сама, но и все живое умертвляет»¹⁴.

В поисках Царства «третьего завета» и Церкви как Царства Божьего на земле Мережковский анализирует русскую литературу и приходит к выводу, что «и тихая молитва Чаадаева», и «громкий смех Гоголя», и «неистовый вопль бесноватого или пророка Достоевского», и «подземный ропот слепого титана Толстого», и «глас вопиющего в пустыне Вл. Соловьева» – все это были бессознательные попытки великих русских писателей и мыслителей соединить стихию религиозную со стихией революционной. Однако объединение этих двух стихий оказалось утопией. Главное противоречие русской действительности, по Мережковскому, – «революция без религии или религия без революции», «свобода без Бога или Бог без свободы»¹⁵. В преодолении этого противоречия и заключается путь возрождения России.

Подтверждение своих мыслей теоретик русского символизма находит в личности Чаадаева, биографии и судьбе которого посвящено и второе эссе 1915 г. – «Чаадаев

¹⁰ Мережковский, Дмитрий. Революция и религия // П.Я. Чаадаев: pro et contra, с. 309-318; с. 313.

¹¹ Там же, с. 314.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 316.

¹⁴ Там же, с. 317.

¹⁵ Там же, с. 318.

(1794–1856)». Обращаясь вновь к фигуре Чаадаева, Мережковский негодует по поводу того, что один из величайших умов России оказался совершенно не понятным современниками и потомками. В момент написания статьи исполнялось 120 лет со дня рождения философа, однако адекватной и справедливой оценки его деятельности все еще не существовало, как не существует и по сей день. Трагедия Чаадаева, по Мережковскому, в том, что в нем видели ненавистника России, а он, как уже отмечалось, любил свое отечество подлинной любовью, которая не терпит лжи и выше всего ставит истину.

Пытаясь понять истоки мировоззрения Чаадаева, Мережковский обращается к особенностям его образа жизни. Антиномичность философии, по мнению Мережковского, была обусловлена сложностью и неоднозначностью характера. Красавец и щеголь, с особым вниманием относившийся к своей внешности, любимец женщин, которые ему поклонялись, но которых он сам никогда не любил, был мнителен и тщеславен, порой малодушен, а, с другой стороны, «с виду был спокоен, сдержан, вежлив и холоден – „точно заморожен”, смотрел на все происходящее как „посторонний наблюдатель”»¹⁶. Холодность и некоторую чужеродность Чаадаева подчеркивают и другие авторы, оставившие свои очерки о великом русском философе. Так, О. Мандельштам в статье о Чаадаеве (1915) отмечает также «холод маски», медали, которыми окружает себя философ¹⁷. Возможно, сравнение с медалью Мандельштам почерпнул у Тютчева, который в одном из писем прямо сравнивает Чаадаева с медалью: «<...> есть такие типы людей, которые словно медали среди человечества: настолько они кажутся делом рук и вдохновения Великого Художника и настолько отличаются от обычных образцов ходячей монеты...» (из письма Ф.И. Тютчева к П.Я. Чаадаеву от 13.IV.1847 г.)¹⁸. Определение Тютчева стало широко известно после выхода в свет Собрание сочинений Чаадаева под редакцией Гершензона. Эти же черты в характере Чаадаева в 1919 г. подчеркивал и другой мыслитель того времени – грузинский поэт и писатель Григол Робакидзе, отмечая его отрешенность не только от всего русского, но и от всего человеческого (отсутствие интереса к женщинам, замкнутость, индивидуализм, доходящий до солипсизма): «Сам в себе – до конца. Отсюда – один шаг до солипсизма (положение: вне меня нет реальности). Но Чаадаев сделал шаг в другую сторону и спас себя от одиночества в хаосе. Жизнь в Боге – вот выход. Является новое лицо Чаадаева: как бы внутренний лик в лице. До сих пор была маска. Отрешенность, гордость, замкнутость, демоничность. Теперь „лицо”: слиянность, претворенность, завершенность, божественность. <...> Тут до конца дан феномен Чаадаева: нужно было, чтобы в сфере „человеческого” демонически отрешиться от всего, чтобы вольно-жертвенно завершиться в лоне „божественного”»¹⁹.

Мандельштам в статье о Чаадаеве интересуется не столько анализ его философских взглядов, сколько характеристика самой личности мыслителя в контексте проблем национального самосознания. Присущие Мандельштаму цельность мировоззрения, восприятие мира и человека в глубинных связях с историей в полной мере проявились и в данной статье. Анализируя личность Чаадаева в контексте единства умственного и нравственного начал, поэт в первую очередь отмечает те черты, которых, по его словам, была лишена русская жизнь²⁰: «Огромная внутренняя дисциплина, высокий интеллектуализм, нравственная архитектоника и холод маски, медали, которым окружил себя человек, сознавая, что в веках он – только форма, и заранее подготавливая слепок для своего бессмертия»²¹.

Мережковский во второй статье о Чаадаеве также интересуется проблемами русского национального самосознания. Называя философа «одним из величайших явлений русского духа», он вновь обращается к теме всемирности, считая ее основной мыслью Чаадаева. Утверждая вслед за Чаадаевым, что у России нет истории и что русский народ лишен чувства «всемирно-исторической непрерывности», Мережковский находит выход в соединении

¹⁶ Мережковский, Дмитрий. Чаадаев (1794–1856) // П.Я. Чаадаев: pro et contra, с. 407-418; с. 411.

¹⁷ Мандельштам, Осип. Петр Чаадаев // Он же. Сочинения в 2 томах. Т. II. Под общ. ред. Сергея Аверинцева и Павла Нерлера. Москва: Художественная литература, 1990, с. 151-156; с. 151.

¹⁸ Чаадаев, Петр. Полное собрание сочинений и избранные письма, т. II, с. 494. Эл. версия (Письма Ф.И. Тютчева к Чаадаеву): http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_i/text_0160.shtml. 03.05.2016.

¹⁹ Робакидзе, Григол. Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: pro et contra, с. 423-429; с. 424.

²⁰ Мандельштам, Осип. Петр Чаадаев, с. 151.

²¹ Там же.

«правды личной» с «правдой общественной», он видит будущее своей страны только во «всемирном соединении людей», которое может быть достигнуто в грядущем Царстве «Нового Завета», воплощающем в себе полноту христианской истины. Безусловно, эти идеи в какой-то мере утопичны, однако для современного исследователя важны мысли Чаадаева о необходимости диалога между Западом и Россией, которую он воспринимает как часть Европы. Именно чувство всемирности является, по Чаадаеву, русским национальным чувством, это не космополитизм и не бескровность нации, а, наоборот, ее кровь, не отрицание народности, а ее утверждение.

То же стремление к всемирному единству и необходимость начать историю России заново подчеркивает и Мандельштам в рассуждениях Чаадаева, считая, что до конца тайну России первый русский философ не раскрыл, однако приблизился к пониманию национально-синтетической сущности русской души: «У него (у Чаадаева – М. К.) хватило мужества сказать России в глаза страшную правду, – что она отрезана от всемирного единства, отлучена от истории, этого „воспитания народов Богом“. <...> Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада»²².

Полемизируя с противниками Чаадаева, считавшими его изменником родины, Мережковский приводит примеры таких же «чужеземных оборотней», которыми были Петр I и Пушкин. Под словом «оборотень» подразумевается «способность к превращениям, перевоплощениям из одного национального тела в другое»²³. Мережковский дает прямое указание на свою связь с Достоевским, развивая мысль о способности русского национального характера к перевоплощениям: «„Быть русским – значит быть всечеловеком“ – говорит националист Достоевский»²⁴.

Имена Петра I и Пушкина появляются и в статье Робакидзе о Чаадаеве (1919), в контексте его рассуждений о русском национальном духе: «Первый (Петр I – М. К.) – один волевой акт, а русский народ – одно созерцание, второй – весь мерный строй солнечного гения, а русский народ – одна хмельная безмерность „родного хаоса“». Но в глубине это видимое противоречие снимается: Петр и Пушкин – идеальные данности русского духа: чем он создан быть и чем он должен стать. В акт исторического становления Петр диалектически постулирует волю русского народа от созерцательности к действительности, равным образом и Пушкин в том же акте становления имманентно направляет творческий гений русского духа от хаотической безмерности к солнечной мерности. Таков, по-моему, и Чаадаев, только в иной плоскости: он собой указывает строгий путь от мечтательной распыленности ума к желчной диалектичности интеллекта. Потому он поставил ясно и строго „проблему России“»²⁵.

Робакидзе, представитель другой национальной культуры, воспринимая русскую культуру извне, отмечает в ней те же особенности и ставит те же акценты, что и Мережковский: двойственность русского духа, сочетание в русском характере взаимоисключающих начал (воля и созерцательность, «хаотичная безмерность» и «солнечная мерность»), которые преодолеваются в высших проявлениях национального самосознания, какими являются личности Петра I, Пушкина и Чаадаева.²⁶

Статья Мережковского содержит цитату из Чаадаева, которая представляется актуальной и в наше время: «Мы не увидим спасения, пока из наших недр не исторгнется крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит мир»²⁷. Прочитируем Мережковского дальше: «„Adventiat Regnum Tuum. Да придет Царствие Твое“, – эту молитву всю жизнь твердил Чаадаев. В наши дни – дни всемирного разединения людей, всемирной войны – эта молитва самая забытая, невнятная и как будто ненужная. Но „мы не увидим спасения, пока из наших недр не исторгнется крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит мир“, – эти слова Чаадаева

²² Там же, с. 152, 153.

²³ Мережковский, Дмитрий. Чаадаев (1794–1856), с. 416.

²⁴ Там же.

²⁵ Робакидзе, Григор. Петр Чаадаев, с. 425.

²⁶ Анализ взглядов других современников не является предметом исследования.

²⁷ Цит. по: Мережковский, Дмитрий. Чаадаев (1794–1856), с. 417.

можно было бы повторить сейчас уже не только о России, но и о всей Европе, о всем человечестве».²⁸

Проведенный анализ позволяет утверждать, что публицистические статьи Мережковского о Чаадаеве продолжают представлять интерес для современных читателей и исследователей актуальностью проблематики (поиски путей возрождения России, рассуждения о подлинном и мнимом патриотизме, об истине как высшей правде) и оригинальностью анализа (проникновение во внутренний мир и философию Чаадаева сквозь призму психофизических особенностей его личности).

Некоторая перенасыщенность, на наш взгляд, религиозной тематикой не умаляет социокультурной значимости его эссеистики, отражающей духовно-нравственные искания Серебряного века.

Для Мережковского как одного из самых ярких мыслителей этой эпохи фигура Чаадаева была знаковой. Обращение к личности и философии одного из «величайших умов России» в какой-то мере помогло Мережковскому сформулировать вопросы, на которые он сам искал ответы, и прийти к выводам, близким к позиции Чаадаева, а именно:

- спасение России не в православии или католичестве, а в преодолении противоречий между религией и революцией, между Богом и свободой;
- подлинная любовь к родине не терпит лжи и превыше всего ставит истину;
- всемирность является национальным русским чувством, не отрицанием народности, а, наоборот, ее утверждением.

Чаадаев для Мережковского – идеальное воплощение внутренней свободы личности, совмещающей в себе высокий интеллектуализм и внутреннюю дисциплину с внешней отрешенностью.

Maria Kschondzer: Chaadaev through the eyes of Dmitriy Merezhkovsky: (within the religious-philosophical context of the Russian “Silver”Age)

Merezhkovsky as a proponent of the “new religious thinking” was especially interested in the personality and philosophy of Chaadaev because analysing the ideas and views of the author of *Philosophical Letters* enabled him to formulate and justify his own concept of development of Russia. Merezhkovsky claimed ‘globality’ as the main Chaadaev’s concept and, following the first Russian philosopher, he viewed the future of Russia in the light of forthcoming Kingdom of the New Testament which was to embody the Christian truth in its entirety. Merezhkovsky’s historiosophical publicism allows us to address once again the issues of national self-identification of Russians and of the destiny of Russia in the global historical process.

Key words: antinomism; New religious conscience/consciousness; Kingdom/Realm of Third Testament; patriotism; freedom; national consciousness; truth

---

²⁸ Там же, с. 417-418.